

Симона
Вилар

Замок на скале

Симона
Вилар

Замок на скале

XV век. Суровое Пограничье между Англией и Шотландией, край, где идет нескончаемая война. Набеги, схватки, похищения и... сильные страсти. За право обладать обворожительной Анной Невиль соперничают безоглядно смелый разбойник-барон, утонченный красавец герцог и всемогущий брат короля Ричард Глостер. Кем-то из них движет обжигающая страсть, кем-то — холодный расчет, где ставка — трон, и только одним — настоящая любовь...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3158-0

9 786171 231580

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Симона
Вилар

Замок на скале

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

ISBN 978-617-12-3158-0

- © Гавриленко Н., 2005, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2006, 2012, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Солнце в зените

Из тумана, окутавшего поле битвы при Барнете, воссияло солнце дома Йорков¹. Эдуард IV Йорк наголову разбил своего злейшего врага, графа Уорвика, наконец-то избавившись от того мучительного напряжения, какое овладевало им при одном упоминании имени этого властного и честолюбивого вельможи, которого в Англии прозвали Делателем Королей и которому Эдуард был обязан тем, что десять лет назад взошел на трон.

И вот Эдуард мог теперь сказать, что восшествием на престол он ныне обязан только своему мечу. Он поднимал чаши на пирах и веселился, но его ненависть еще не насытилась, и он не отдал, как ранее, приказа — щадить простых солдат, казня лишь рыцарей противника. В тот день земля Барнета насквозь пропиталась кровью. Избиение было жестоким, ибо Эдуард Йорк не мог забыть простому народу любви и преданности, которые тот выказывал Уорвику.

Однако не успел король насладиться заслуженным торжеством, как прибыли гонцы с сообщением, что союзница Уорвика, королева Алой Розы, воинственная Маргарита Анжуйская, вместе с сыном, наследным принцем Эдуардом, высадилась на юге Англии, чтобы продолжить борьбу за дело Ланкастеров — партии, оспаривающей у Йорков право на престол.

Королю Эдуарду вновь предстояло сражение. Но была ли тому причиной победа над Делателем Королей или с возрастом он тверже уверовал в свои силы, однако король оставался

¹ В гербе Йорков было изображено восходящее солнце.

спокоен и собран, и его твердость и отвага передавались сподвижникам.

Спешным маршем Эдуард двинулся из Лондона на запад. Еще раньше туда же поскакал его младший брат Ричард Глостер и, засевав в своем городе Глостере, не впустил в него войско королевы, тем самым преградив ей путь. Войска ланкастерцев неожиданно оказались связаны по рукам и ногам. Дороги были трудными, продовольствия в обрез, перед ними находился хорошо укрепленный город с сильным гарнизоном, а гонцы уже приносили вести о приближении армии Эдуарда Йорка.

Маргарита без промедления отвела уставшую армию к северу. Это была королева-воительница, которая провела более полутора десятилетий в седле, сражаясь с приверженцами Белой Розы. Ей было уже за сорок, но она упрямо скакала в покрытой пылью одежде впереди войска, подбодряя своим примером измученных ратников. Рядом с ней ехал красивый светловолосый юноша — Эдуард Уэльский. В отличие от гордо восседающей в седле королевы он казался подавленным. И как могло быть иначе, если гонцы, сообщившие о разгроме войск его тестя под Барнетом, принесли также и горькую весть о трагической кончине его юной супруги — дочери Уорвика Анны Невиль.

Эдуард был сокрушен. Он так спешил к ней, так надеялся, что, когда они вновь увидятся под небом старой Англии, все изменится и Анна станет ему покорной и доброй супругой! Она сама писала ему, как тоскует и ждет... И вот — конец. Принцу Уэльскому сказали, что ее тело обнаружили в каком-то болоте. Поговаривали также, что принцесса сама бросилась в омут от отчаяния, а это страшный грех...

— Поднимите голову, сын мой! — окликнула его королева. — Ваши воины глядят на вас, и вы должны быть твердым как камень, даже если вы и в трауре.

Они приближались к Тьюксбери, когда их настигли передовые отряды Эдуарда Йорка.

Битва произошла на открытой равнине у ручья. Ланкастерцы были повержены, войско их смешалось в беспорядке, и многие кинулись бежать. Йоркисты настигали их и резали как скот, ибо Эдуард IV, как и при Барнете, не велел щадить ни рыцарей,

ни солдат, ни обозных мужиков. С тех пор за этим местом закрепились название Кровавый Луг.

После битвы король Эдуард в окружении братьев и военачальников пировал в шатре, когда его люди ввели связанного и окровавленного принца Эдуарда Уэльского.

— Что привело тебя, мальчишка, французский прихвостень, в Англию? — спросил у юноши король Эдуард.

Принц Уэльский гордо повел плечами.

— Я прибыл на эту землю, чтобы вернуть корону своему отцу, законному властителю Генриху VI, — корону, унаследованную им от отца и деда, королей Англии.

Он держался настолько надменно и невозмутимо, что изрядно охмелевших победителей охватила слепая ярость. Толковать было больше не о чем, и несчастного принца буквально искромсали ножами и кинжалами. Когда его окровавленные останки вышвырнули из шатра, то стоявшего у входа стражника едва не вывернуло наизнанку.

На другой день стало известно, что часть ланкастерцев укрылась в аббатстве в городке Тьюксбери, и король отправил младшего брата, Ричарда Глостера, покончить с беглецами. Когда этот горбатый, но воинственный юноша подъехал к обители, сам настоятель вышел к нему навстречу, умоляя пощадить несчастных. Но Глостер после вчерашней пирушки чувствовал себя неважно и поэтому, не став слушать старика, заявил, что у аббатства нет прав убежища и он, как констебль Англии, требует выдачи беглецов. Утром следующего дня всех ланкастерцев казнили на рыночной площади в Тьюксбери.

А через несколько дней в одном из уединенных монастырей была схвачена и скрывавшаяся там королева Маргарита. С ней не церемонились, и довольные собой йоркисты тут же выложили королеве страшную весть о гибели принца Эдуарда.

С этой минуты Маргарита Анжуйская перестала отвечать на вопросы и больше не проронила ни звука. Солдаты грубо посадили королеву по-мужски на старую клячу, связав ей ноги под брюхом животного, и в таком виде как военный трофей доставили в Тьюксбери. У ворот города навстречу ей выехали все три брата Йорка — Эдуард, Джордж и Ричард. В пышных облаче-

ниях, на великолепных конях под богатыми попонами, они, хоча, смотрели на эту втопанную ими в грязь женщину.

В этот миг Маргарита Анжуйская подняла голову и, протянув к ним связанные в запястьях руки, прокляла торжествующих Йорков:

— Да следуют за вами дурные предзнаменования! Да поразят вас болезни, горе и тоска! Живите среди лжи и предательства, и пусть вас обманут те, кому вы доверитесь! Дай вам Бог испытать раскаяние, когда будет поздно каяться, и пусть ваше потомство сгинет до срока! Будьте долговечней своей удачи и своих близких, познайте ужас и отчаяние, и да постигнет вас злая смерть!

Ее слова прервал смех Эдуарда. Он раскатисто хохотал, обнажая ряд ровных красивых зубов.

— Что ж, змея, теперь, когда у тебя вырвали жало, попробуй ужалить, если сможешь!

И, дав шпоры коню, он пронесся мимо, обдав плененную королеву пылью и комьями земли.

Однако оставался еще один человек, о котором Эдуард должен был подумать и решить его судьбу. Это был плененный король Алой Розы, муж Маргариты, Генрих VI Ланкастер. Сей монарх — последняя надежда приверженцев прежней династии, и, пока он жив, йоркисты не могли праздновать окончательную победу. К тому же волнения, поднимавшиеся в Англии в защиту взятого в плен «святого» Генриха, не могли не тревожить Эдуарда IV и его сторонников. И пусть несчастный монарх почти безумен, но если его освободить из темницы, еще не ясно, на чьей стороне окажется народ и не соберутся ли опять опальные ланкастерцы вокруг короля Ланкастера.

Эдуард вернулся в Лондон, но покоя в его душе больше не было. Он понял: пока жив Генрих VI, он не может позволить себе благодушия. Ведь существовала и мятежная провинция Кент, на свободе оставались графы Оксфорд и Пемброк, поспешившие под защиту французского короля Людовика, и дальний родственник Ланкастеров, юный Генрих Тюдор. Эти решительные эмигранты представляли серьезную опасность для власти Йорка, и Эдуард, уже однажды потерявший из-за своей беспечности корону, не хотел повторять старых ошибок.

Стояла глухая ночь. Бодрствуя, король задумчиво расхаживал по огромному залу древнего Вестминстера. Его шаги гулко отдавались в пустоте. От резных деревянных перекрытий под сводчатым потолком слабо доносился запах свежего лака. В дальних концах зала горело по факелу, посредине же царил полный мрак.

Слабо скрипнула дверь. Эдуард от неожиданности вздрогнул, но тотчас перевел дух, увидев на стене горбатую тень Ричарда Глостера.

— Это ты, Дик?¹

Между королем и его младшим братом в последнее время было полное доверие. Что греха таить, бывали времена, когда между братьями пробегала черная кошка. Случалось и так, что король отправлял Ричарда в ссылку в его владения в Глостере. Но после того как Дик отважно бился за старшего брата под Барнетом и именно его стремительная атака и удачная сшибка решили исход битвы под Тьюксбери... Нет, после всего этого Эдуард не мог не приблизить к себе Ричарда и не осыпать его милостями. Он доверился брату абсолютно, и это, очевидно, начинало злить среднего из Йорков — Джорджа Кларенса.

— Чего тебе, Дик? — спросил король, когда Глостер подошел ближе.

У младшего Йорка одно плечо было значительно выше другого, он горбился и при ходьбе заметно приволакивал ногу. Ричард был калекой от рождения, но при этом во всех его движениях чувствовались неожиданная сила, пластичность и ловкость.

— Я знаю, что тебя тревожит, Нэд², — мягко проговорил Ричард Глостер. — И считаю, что ты прав. Ты не сможешь успокоиться, покуда жив этот полоумный Генрих Ланкастер. Тебе следует уничтожить его!

Эдуард вздрогнул, странно взглянув на брата. Он был почти на голову выше, и насколько Ричард был согбен, настолько статен и хорош собой был Эдуард. «Шесть футов мужской

¹ Дик — уменьшительное от Ричард.

² Нэд — уменьшительное от Эдуард.

красоты», — говорили о нем в народе, и величественный король, с вьющимися светло-каштановыми волосами, смелым взглядом лучистых серых глаз и правильными чертами, и впрямь оправдывал это прозвище. Правда, в последнее время он несколько располнел и лицо его приобрело некоторую одутловатость. Тем не менее король был еще очень привлекателен!

Сейчас Эдуард в упор глядел на низко склонившегося младшего брата. Черные длинные волосы Ричарда падали на более низкое плечо, в черных глазах таился вызов, никак не вязавшийся с угодливо согнувшейся сутулой фигурой.

— Ты всегда предлагаешь такие вещи, на которые нелегко решиться, Дик, — медленно проговорил Эдуард.

— Почему же нелегко? Ты король, ты можешь позволить себе все что угодно.

— Но и Генрих Ланкастер король. Он помазанник Божий, и поднять руку на него значит совершить великий грех. Вспомни, даже Давид не стал поднимать руку на царя Саула, когда тот оказался в его власти. Я же и так уже пролил немало крови.

— И прольешь еще больше, если из-за пленного Ланкастера разразится новая война Роз! — почти выкрикнул Ричард Глостер, так что звук его голоса гулко разлетелся под сводами старого холла Вестминстера.

Эдуард даже вздрогнул, но Ричард едва ли не улыбался.

— Не забывай, Нэд, что ты стоишь над людьми, ты отвечаешь за мир и процветание в стране, а это для монарха куда важнее, нежели мысли о собственной душе и грехе цареубийства. Ах, помазанник Божий Генрих!.. — почти издеваясь, манерно заломил руки горбатый принц. — Ах, святой Генрих! Он молится в подземелье Тауэра, а его приверженцы куют оружие за морем. Будь же решительнее, мой король. И вспомни, что никто не восстал против деда нынешнего Ланкастера, когда тот умерил голодом в темнице Понтефракта последнего Плантагенета¹. Род, начавший свое царствование с преступления, должен этим

¹ Генрих IV Ланкастер (1374—1399) сверг с престола своего предшественника из династии Плантагенетов, Ричарда II (1377—1399), и заморил голодом в темнице.

же и окончиться. А безумному Генриху у Господа будет спокойнее, нежели в подземелье Тауэра, где он даже не соображает, что его сын убит, жена исходит злобой, а дело его рода проиграно.

Приводя свои доводы, Ричард понимал, что брат легче решится на это, если кто-то разделит с ним ответственность, и он готов был это сделать, но отнюдь не из любви к Эдуарду, а чтобы укрепить на троне корни дома Йорков. К тому же, если их свяжет общая тайна, он, Ричард, сможет влиять на венценосного старшего брата, играя на его нечистой совести.

Позже, когда ночь уже клонилась к рассвету, герцог Глостер выехал из Вестминстера и в сопровождении только своего поверенного, сэра Джеймса Тирелла, направился в сторону Тауэра. В руках у него был королевский мандат...

На другой день в Лондоне прошел слух, что Генрих Ланкастер неожиданно скончался в Тауэре. Официально было объявлено, что несчастный король умер от меланхолии, но по городу пошли разговоры, будто Генриха нашли утром в часовне перед распятием с разможенной головой.

Король Эдуард выглядел взвинченным и озабоченным и предпочитал проводить время в покоях королевы Элизабет: ее ровный нрав и ласки действовали на него умиротворяюще. Ричард же, наоборот, все время находился на людях, был весел, однако лицемерно вздыхал и крестился всякий раз, когда при нем поминали несчастного Генриха. Именно он распорядился выставить тело покойного короля в соборе святого Павла для всеобщего обозрения. Ланкастерцы должны были раз и навсегда убедиться, что им не за кого больше сражаться.

И это возымело действие. Смуты в графствах прекратились. Даже король Людовик XI наконец склонился к союзу с Эдуардом IV, прислав своих послов, которые заявили, что французский монарх готов на известных условиях выдать английскому венценосцу беглого графа Пемброка и юного Генри Тюдора. Эдуард призвал для совета брата, но Ричард, как оказалось, считал, что не стоит утруждать себя по столь ничтожному поводу, как Тюдоры.

Эдуард, однако, придерживался иного мнения.

— Нельзя забывать, Дик, что мальчишка Генри Тюдор — потомок Ланкастеров. По женской линии его род восходит к Джону Гонту¹, а отец Генри был сводным братом Генриха VI.

Но Ричард лишь отпускал скабрезные остроты насчет того, что обе ветви имеют начало, не освященное Церковью, поэтому не стоит принимать этого мальчишку за подлинного Ланкастера. К тому же шпионы донесли Ричарду, что оба Тюдора — и дядя, и племянник — находятся вовсе не у короля Людовика, а у герцога Бретонского Франциска, и тот по праву считает их своей военной добычей, отнюдь не собираясь возвращать Франции.

Речи младшего брата успокаивали сердце короля.

Средний из братьев, Джордж Кларенс, получивший благодаря своей жене Изабелле Невиль почти все наследство покойного Уорвика, стал ныне едва ли не самым богатым человеком в Англии. Он впал в непомерную гордыню, одевался в немыслимо пышные одежды, устраивал грандиозные, невиданные по роскоши пиры. При короле он держал себя дерзко и даже стал поговаривать, что, если бы не любовь к брату, он не предал бы Алюю Розу и своего тестя Уорвика, и тогда Эдуард навряд ли получил трон.

Король хмуро поглядывал на него в такие минуты, но Кларенс, опьяненный сознанием своего величия, не придавал значения этим взглядам. И лишь заметив, что поток почестей, титулов и пожалований пролился на Ричарда, а вовсе не на него, невольно опешил.

— Милорд, брат мой! — восклицал он, обращаясь к королю. — Вы сделали калеку Глостера констеблем, главным судьей и стюардом герцогства Ланкастерского, да еще и наградили титулом вице-короля Уэльса. Перечень ваших милостей, обрушившихся на калеку Дика, не имеет границ, в то время как я, столько раз рисковавший жизнью ради вас, выступив против Уорвика, не удостоился ни одной мало-мальски пристойной награды!

¹ Джон Гонт — третий сын Эдуарда III. Его дети от Екатерины Суинфорд специальным парламентским актом были признаны законными. Родство Тюдоров с королевским домом было и через вдову Генриха V Екатерину Французскую, которая тайно обвенчалась с уэльским дворянином Оуэном Тюдором. Многие, однако, подвергали это венчание сомнению и считали ее детей бастардами.

Однако король лишь посмеивался, возражая, что Джорджу грешно жаловаться на судьбу, после того как он стал наследником Делателя Королей и самым богатым человеком в Англии.

— Милорд, это досталось мне лишь благодаря моему браку, от вас же я не получил ни единой привилегии. И это тогда, когда Дик... Я не говорю уже об этих выскочках Вудвилях, родственниках королевы, которые буквально заполонили двор. Вся Англия возмущена тем, как вы обращаетесь с наследием древнейших родов, раздаривая его направо и налево наглым и низкородным родичам королевы.

— Довольно, Джордж! — прервал брата Эдуард. — Я по горло сыт вашей жадностью и малодушием, как и вашими постоянными намеками на то, что именно вам я обязан короной. Не забывайте, что то же самое любил повторять и ваш тесть, граф Уорвик, упокой, Господи, его грешную душу. И чем это кончилось?

Джордж, насупившись, глядел на короля.

— Не упускайте из виду, Нэд, что парламентский акт семидесятого года провозгласил меня наследником престола после Ланкастеров! И разве сейчас, когда не осталось прямых потомков этого рода, я не являюсь претендентом на трон?

Эдуард какое-то время в упор смотрел на брата, потом медленно постучал себя пальцем по лбу и угрожающе усмехнулся.

— Говорят, тебя не так давно укусила за нос собачка. Порой мне кажется, что после этого ты несколько повредился рассудком. Бедный мой Джордж! Хотел бы я знать, как ты будешь выгладеть в глазах пэров в Совете, когда внезапно объявишь, что и ты тоже Ланкастер.

Джордж удалился в бешенстве. Действительно, на носу у него оставался заметный шрам от укуса, который приходилось запудривать. В остальном же он был по-прежнему хорош собой, статен и не лишен обаяния. И когда он разглядывал себя в зеркале, ему не раз приходило на ум, что со своей подлинно королевской осанкой он выглядел бы на троне несколько не хуже Эдуарда. И какая разница, чью корону наследовать — Ланкастеров или Йорков? Ведь при дворе еще не забыли, как мать Эдуарда, герцогиня Йоркская, во всеуслышание объявила, что родила

первенца не от мужа, а от стрелка Блейборна, а значит, первым из Йорков является именно он — Джордж Кларенс. Что же касается достославного парламентского акта, то его никто не отменял, а если так, то разве не он по-прежнему законный наследник престола? Поистине не раз приходилось Джорджу пожалеть о том, что он так поспешно перешел на сторону Эдуарда под Барнетом.

Сомнения и колебания этого брата короля привели к тому, что в 1473 году он с готовностью поддержал ланкастерского графа Оксфорда, который обрушился на южное побережье Англии со снаряженной во Франции флотилией. Связным между ними служил брат погибшего Делателя Королей епископ Джордж Невиль. Когда же Оксфорд высадился в Корнуолле и попытался поднять мятеж, Кларенс, находясь в центральных графствах страны, открыто заявил о своих правах на корону.

Кончилась эта авантюра плачевно. Оксфорд был схвачен и заточен в Кале в крепости Хэмс, туда же заключили и епископа Йоркского. Теперь последнему из Невилей припомнили и родство с Уорвиком, и то, как некогда он помог уйти из-под опеки Йорков своей племяннице Анне Невиль, и то, что он взял под свое покровительство семьи многих ланкастерцев. Епископа содержали в суровом заключении до 1476 года. Однако и выпустив престарелого прелата из темницы, король обобрал его до нитки. Лишь из милости Джорджа Невиля приютили в одном из монастырей его былой епархии, где он вскоре и скончался.

Что же касается Джорджа Кларенса, то, казалось, ему снова все сошло с рук. Король ограничился сдержанным выговором и на некоторое время удалил герцога от двора, запретив являться, пока сам король не изволит его призвать. Многие тогда решили, что Эдуард слишком мягко обошелся с мятежным братом. Но были и такие, кто утверждал: главным наказанием для Кларенса станет возвышение третьего Йорка, Ричарда, которого король как раз тогда назначил наместником Севера Англии.

И довольный Ричард не преминул поставить Кларенса в известность о своем новом назначении. Направляясь на Север, он специально навестил Джорджа в замке Кенилуорт, где опальный герцог проводил время, тоскуя и исходя желчью. И как же дово-

лен был горбатый Йорк, наблюдая, как бесится Джордж, мечась в своем древнем уютном Кенилуорте.

— Все снова достается тебе! — возмущался Джордж, пока Ричард с аппетитом вкушал яства, которыми его угостили в Кенилуорте. — Почести, награды, власть — все само находит нашего Дика. То ты вице-король Уэльса, то великий чемберлен, а теперь вдобавок еще и наместник всего Севера! Эдуард сошел с ума, вручив тебе столько власти. Я ведь знаю, чего ты добиваешься, Дик! Ясное дело, вы с Эдуардом считаете, будто я круглый дурак, однако это не мешает мне видеть, что ты хитер как лис, а честолюбие твое не имеет пределов. Нечего сказать, тонкая тактика, милорд Глостер! Но твои уловки, Дик, не обманут меня, как обманули беднягу Эдуарда! Ты спишь и видишь себя на троне...

— Не более чем ты, — спокойно парировал Глостер, подхватывая ножом ломоть паштета.

Джордж вдруг криво улынулся.

— Возможно, мне и не удастся вышибить из-под Эдуарда трон, пока он популярен. Однако я знаю нечто, что проложит мне гладкую дорогу к короне, оступись Эдуард хоть на миг. И тогда королева Элизабет и все эти худородные Вудвилы засуетятся, как растревоженное тараканье гнездо.

Продолжая ухмыляться, он отошел. Ричард внимательно глядел ему в спину. Он давно догадался, что короля и Кларенса связывает некая тайна. Эдуард неспроста так мягок и уступчив, и дело тут вовсе не в родственных чувствах. Да, кудрявый красавчик Кларенс безусловно знает что-то, с помощью чего может влиять на короля. Что бы это могло быть, если он ни разу не проговорился, несмотря на свою болтливость?

Когда на следующий день Ричард покидал Кенилуорт, из отдаленной замковой башни Сентлоу спустилась супруга Кларенса, леди Изабелла Невиль. Выглядела она усталой и раздраженной и, когда Кларенс о чем-то спросил ее, ответила сухо и неприветливо. Глостер тотчас понял, что супруги не ладят, особенно когда Джордж ни с того ни с сего, несмотря на пронизывающий ветер, прыгнул в седло, крикнув, что проводит брата.

— Что случилось с самой любящей парой в Англии? — смеясь, спросил Ричард, но Джордж лишь отмахнулся.

— Я никогда не был так уж безумно влюблен в Изабо. Спору нет, в юности она была хороша, как эльф, и сам Уорвик предложил мне ее в жены. К тому же я не сомневался, что именно ее, свою старшую дочь, Делатель Королей захочет увидеть на престоле — ее, а не эту дикарку Анну, черт бы ее побрал!

Ричард хмыкнул.

— Ты забываешь, Джордж, что *de mortuis aut bene, aut nihil*¹. Или ты придерживаешься иного взгляда? Разве Анна не мертва?

Джордж раздраженно дернул повод лошади.

— По-моему, это ты, Дик, думаешь иначе. Говорил же я тебе, что лично опознал ее в том вздувшемся трупке утопленницы. К тому же и придворная дама моей жены, близко знавшая Анну, тоже узнала ее.

— Тебе всегда требуется ссылаться на авторитет этой леди, словно ты опасаясь, что тебе не поверят.

Джордж передернул плечами и глубже надвинул на уши шляпу. Из-за шума ветра им с братом приходилось почти кричать, и герцога это злило.

— Я сам прочитал отходную над телом бывшей принцессы Уэльской!

— Тебе просто была на руку смерть Анны Невиль. В одно мгновение ты стал обладателем всего состояния Делателя Королей.

— Это так, но именно это тебя и бесит, Дик. Ведь ты строил свои планы в отношении младшей дочери Невиля. Наш венценосный брат считает, будто ты был просто влюблен в нее, я же уверен, что ты хотел получить свою половину состояния Уорвика. О чем жалеть, Дик? Ты добился своего иным путем. Теперь ты великий Северный лорд, наместник Севера Англии. Можешь гордиться — тебе удастся мало-помалу отнимать власть и славу у бедняги Эдуарда. Но помни — когда Нэд пошатнется, я сумею добиться того, чтобы именно передо мною склонилась вся Англия!

Для Ричарда не было открытием, что самомнение Джорджа не знает границ.

¹ О мертвых либо хорошее, либо ничего (*лат.*).

Вскоре они разъехались, и Ричард уже не думал о Джордже. Зато упоминание об Анне Невиль заставило его задуматься. Он долго не желал верить в ее кончину, надеясь и в самом деле разбогатеть, получив ее руку. К тому же ему нужно было иметь Анну при себе, так как она знала слишком много нелицеприятного о нем. Но она умерла, погибла, утонув в трясине под Барнетом. Хорошо ли это для Ричарда? Если не брать в расчет потерю ее состояния, то хорошо.

При дворе не было принято упоминать имя бывшей принцессы Уэльской, поскольку обстоятельства ее гибели были столь смутными, что кое-кто поговаривал, будто Анна покончила с собой. Епископ Илийский Джон Мортон особенно был склонен верить этому, ибо полагал, что как никто другой знает нрав младшей дочери Уорвика. Однако король запретил распространяться об этом. Анна Невиль принадлежала к высшей знати Англии, одно время даже считалась невестой Эдуарда Йорка, и он не желал, чтобы чернили ее имя. Так или иначе, но слухи начали стихать и имя ее стало легендой — как и имя ее великого отца, Делателя Королей.

Время шло, и, несмотря на мрачные пророчества Джорджа Кларенса, слава Эдуарда IV росла, а трон его становился все устойчивее. В семидесятые годы пятнадцатого столетия двор английских королей поистине стал одним из самых блестящих в Европе. Редко где можно было увидеть такие веселые и богатые празднества, как в Лондоне, столь грандиозные мистерии, и, пожалуй, нигде в таком изобилии не выставлялись напоказ роскошь и блеск. Иностранцев, бывавших в то время в Англии, ослепляла пышность английских церемониалов и придворной жизни.

Располневший, но все еще привлекательный Эдуард IV был весьма популярен в Англии. Его поддерживало большинство английской знати, за него горой стояли горожане и торговцы, получившие после войны Роз немалые привилегии от короля. Эдуард считался самым блестящим монархом своего времени, и его королева каждый год рожала ему по ребенку. Однако это не мешало Эдуарду обзавестись внушительным штатом фавориток. Любовные похождения Генриха II и Эдуарда III казались невинными шалостями по сравнению с амурными делами этого короля из рода Йорков. Эдуард был склонен к излишествам во всем:

в любви, в пирах, в охоте и дорогой одежде. Однако нельзя не отметить, что окруживший себя роскошью король отнюдь не был пустым вертопрахом и расточителем. Он был первым властителем Англии, открыто признавшим культ нового божества — звонкой монеты, и к его славе удачливого полководца прибавилась еще репутация человека, способного извлекать деньги буквально из ничего. Как известно, английские короли в финансовых вопросах были весьма зависимы от воли парламента, Эдуард же делал все возможное, чтобы созывать парламент как можно реже. Долгое время он обходился средствами, захваченными у Ланкастеров, но когда эти деньги иссякли, король начал находить новые способы добыть их: то внезапно набрасывался на духовенство, требуя уплатить ему десятину, за то что он оставил святым отцам мирские владения, то вдруг занялся порчей монеты (стал чеканить ее с примесями более дешевых металлов), то поддерживал горожан в их торговле сукном, столь выгодной для Англии, но в благодарность потребовал беневолиций — так называемых добровольных даров и займов. Его министр, епископ Джон Мортон, придумал великолепную формулировку, впоследствии получившую название «вилка Мортона»: «Если вы достаточно богаты, чтобы много тратить, то вы всегда найдете чем поделиться с королем; если же вы недостаточно богаты, но экономны, то сможете найти средства, чтобы поделиться с королем».

Немалому обогащению Эдуарда способствовала и его военная кампания во Франции. В Англии со времен Столетней войны было популярным вести военные действия на континенте, во Франции. Поэтому королю не составило труда пополнить казну налогами для войны с «лягушатниками» из-за Ла-Манша. К тому же он выступил против Людовика XI в союзе с блистательным герцогом Бургундии Карлом Смелым. Правда, только выступил. Ибо французский король Людовик Валуа не зря назывался «Христианнейшим лисом» и мало кто мог тягаться с ним в умении влиять на политику. Понимая, что Франции не под силу вести войну сразу и с Бургундией, и с Англией, Людовик попросту откупился от Эдуарда. На личной встрече монархов в местечке Пикиньи близ Амьена французский монарх предложил Эдуарду Английскому семьдесят пять тысяч золотых крон за от-

каз от союза с Карлом Смелым и обязался выплачивать Англии в качестве отступного ежегодно еще по пятьдесят тысяч золотых крон. Так Эдуард получал значительные деньги на свои нужды, не прибегая к созыву парламента. К тому же союз с Францией подкреплялся брачным договором между дочерью Эдуарда принцессой Элизабет и дофином¹ Карлом Валуа.

А завершились переговоры тем, что Людовик, по сути, выкупил у Эдуарда королеву Маргариту Анжуйскую, все еще пребывавшую в заточении в Тауэре. Для Людовика это не было актом милосердия — взамен Маргарита обязана была отказаться от своих прав на Анжу и Лотарингию в пользу французской короны, а сама удалиться в один из монастырей. Так и случилось, и несчастная королева Алой Розы окончила свои дни в уединенной келье.

С отбытием Маргариты у Эдуарда стало одной головной болью меньше. Хотя начались другие неприятности — во время этой бесславной, но прибыльной кампании он умудрился подхватить малярию, приступы которой часто мучили его. Кроме того, против подобного договора вдруг во всеуслышание выступил его преданный брат Ричард Глостер.

— У вас великолепная армия, государь, воинский талант и добрые союзники. Но вы не сделали ни единой попытки воспользоваться этими преимуществами. Я считаю, что договор в Пикиньи был постыдной сделкой, умаляющей ваше рыцарское достоинство и воинскую славу старой доброй Англии, — Англии, которая держала в страхе всю Европу благодаря победам над французами.

Эдуард, казалось, был ошарашен всей этой пышной риторикой. Он попытался объяснить, что деньги для Англии после разорительной войны Алой и Белой Розы куда выгоднее, чем игра на руку Карлу Смелому, который оказался даже не готов к военным действиям. Однако Ричард заявил, что Эдуард слишком сдружился с барышниками из Сити² и совершенно потерял воинственный дух Йорков. Он стоял на своем, пока их отношения

¹ Дофин — титул наследника престола во Франции.

² Сити — центральная торговая часть Лондона.

с королем не испортились настолько, что Ричарду пришлось вновь уехать на Север, где он был подлинным правителем.

Король долго пребывал в мучительном недоумении. Он чтит младшего брата, но эти рыцарские речи, эта пустая болтовня о чести Англии! Тем не менее он пропустил мимо ушей язвительное замечание прибывшего в Лондон Кларенса о том, что Ричард повел себя так исключительно ради того, чтобы завоевать популярность толпы.

Однако Джордж на этот раз оказался прав. Глостер оценил, какое впечатление произведет в Англии финал военной кампании Эдуарда. И когда все королевство принялось выражать недовольство Эдуардом Йорком, которого, как мальчишку, обвел вокруг пальца француз, имя Ричарда — единственного, кто осмелился указать королю на эту ошибку, — не сходило с уст.

Популярности герцога Глостера способствовала и политика, которую он вел на севере королевства. Этот дикий край, где лорды Пограничья вообще не желали признавать ничьей власти, неожиданно почувствовал, что им управляют — и управляют опытной рукой. Герцог не щадил непокорных, но и не скупился на милости для тех, кто впрягнулся в его упряжку. Впрочем, вскоре ему пришлось столкнуться с человеком не менее незаурядным, чем он сам, могущественным и признанным вождем Северной Англии. Это был Генри Перси, четвертый граф Нортумберленд. До Ричарда Глостера он единственный мог водворить порядок на Севере, и король Эдуард был вынужден идти на многие уступки, только бы Перси оберегал мир и покой в этих краях, контролируя вечно беспокойную англо-шотландскую границу. Однако с той поры, как Ричард стал наместником Севера, между Перси и Глостером началась подспудная борьба за первенство. Гордому Перси по требованию короля пришлось принести присягу на верность Ричарду Глостеру, признав этого хромого калеку своим сеньором. Но это вовсе не означало, что он готов был беспрекословно повиноваться. Глостер очень скоро понял, какого сильного врага он приобрел в этом северном Перси. Оба были хитры и честолюбивы, и ни один не желал уступать. На стороне Ричарда были поддержка короля и власть, на стороне графа Нортумберленда — вековая преданность северян дому Перси.

Существовало лишь одно, в чем и Глостер, и Нортумберленд оказались поразительно единодушны, — их общая неприязнь к шотландцам. Однако набеги из-за Твиданесли пограничному краю Англии такой урон, что в итоге оба североанглийских лорда — и Глостер, и Нортумберленд — пришли к выводу, что необходимо добиться мира с Шотландией, а для этого было бы неплохо заключить брачный союз между малолетним наследником Якова III Шотландского и одной из дочерей Эдуарда. Впервые проявив завидное единодушие, оба северных герцога прибыли в Лондон, чтобы обсудить данный вопрос с королем. Каждый из них в глубине души жаждал обойти соперника, надеясь, что король именно его назначит послом к шотландскому монарху. Но Эдуард, вопреки ожиданиям, поручил переговоры другому лицу — человеку, в то время весьма популярному при дворе, но которого король желал под любым благовидным предлогом отослать прочь. Эта ссылка должна была выглядеть такой почетной, чтобы никто не мог заподозрить, как добывается ее король. Ибо этим человеком был вельможа столь дерзкий, что отважился перейти дорогу Эдуарду именно там, где это не рискнул бы сделать ни один из его подданных.

Упомянутым лицом был молодой Генри Стаффорд, герцог Бекингем.

Бекингем происходил из древнейшего рода и являлся потомком короля Эдуарда III. Он был пэром Англии и принадлежал к остаткам той старой аристократии, которая почти вся была перебита во время войны Алой и Белой Розы. Его дед и отец погибли, сражаясь за Ланкастеров, а сам он ребенком жил вместе с матерью в глуши Уэльса, в замке Брекнок. В двенадцать лет он осиротел, и Эдуард IV велел доставить мальчика ко двору под свою опеку. Но вскоре Стаффорда пожелала видеть при своей особе королева Элизабет. Мальчик был необыкновенно красив, к тому же королева была очарована причудливым сочетанием у юного Стаффорда благородных манер и дикарских выходок. Генри стал ее пажом, носил шлейф королевы, придерживал стремя, когда она садилась в седло. Она была королевой Англии — он ее маленьким слугой, но в его жилах текла кровь Плантагенетов, она же была мелкопоместной леди, возвысившейся

исключительно благодаря любви короля. Что думал обо всем этом юный Бекингем, никто не знал. Он казался благодушным и всем довольным, но всякий раз вскидывался, как жеребенок, если королева пыталась его приласкать.

Замечала ли это Элизабет? Она была умной женщиной. С годами она почувствовала вкус власти, привыкла к почестям и ко всеобщему преклонению — и оказалось, что это само по себе стоит того, чтобы мириться с изменами супруга. Шаг за шагом Элизабет добилась того, чтобы двор короля Эдуарда стал ее двором. Она создала себе опору среди многочисленной родни, наделив всех этих двоюродных и троюродных титулами, породнив их с прежде могущественными, но истощенными в войне ланкастерскими семьями. У королевы было пять братьев и столько же сестер, были у нее и два сына от ее первого брака с лордом Грэем, не говоря уже о всевозможных тетушках, племянниках, кузенах, которые обжились при дворе и которым Элизабет неизменно покровительствовала. Поэтому, приблизив к себе родовитого юного Бекингема, она хотела и его видеть своим союзником. Для этого Элизабет затеяла помолвку мальчика со своей младшей сестрой Кэтрин Вудвиль.

Однако этот на первый взгляд такой покладистый Стаффорд неожиданно заупрямился. И настолько, что это стало почти скандалом. Король тогда только вернулся после похода во Францию, и Элизабет пожелала, чтобы он лично настоял на этом браке. Эдуард любил уступать своей королеве, и пышная свадьба состоялась, однако ни жених, ни юная новобрачная не выглядели счастливыми. Дабы молодые сблизилась, их отправили в Уэльс, чтобы вдали от сплетников двора они поближе познакомились и научились быть семьей. Там, в родовом замке Стаффордов Брекноке, у молодой четы родился сын Эдуард. Однако, когда через время Бекингем появился при дворе, он не пожелал привезти с собой супругу.

Сам же молодой герцог стал популярен при дворе. Богатый и знатный, он не имел в родословной ни единого пятна, к тому же был чарующе красив. Как все валлийцы¹, он был смуглым,

¹ Валлийцами называли жителей Уэльса.

но эта смуглость тонко гармонировала с аристократическими чертами его лица. Он был высок и гибок, с малолетства привык управляться с оружием, его волнистые черные волосы, вопреки придворной моде, небрежно падали на лоб и плечи, придавая особое очарование утонченному облику. И особенно хороши были глаза сэра Генри — огромные, как у девушки, прозрачные, удивительного цвета чистой небесной лазури.

При дворе Эдуарда IV Бекингем вскоре стал одной из наиболее заметных фигур. Не было такой дамы, которая не заглядывалась бы на Генри Стаффорда, не вздыхала бы о нем украдкой. Это бесило короля, который уже начал терять былую привлекательность, располнел, часто хворал. Он по-прежнему предавался излишествам, но теперь, глядя на него, уже трудно было поверить, что когда-то его называли «шесть футов мужской красоты». Эдуард обрюзг, лицо его отекло и приобрело нездоровый оттенок, а глаза, прежде чистые и дымчато-прозрачные, теперь отливали желтизной и недобро глядели из-под тяжелых век. И при всем этом король не переставал волочиться за каждой юбкой без разбора: замужней или незамужней дамой, дворянкой или особой низкого сословия, добиваясь расположения женщин если не деньгами, то посулами, но, когда они уступали, чаще всего грубо прогонял их.

Исключение составляла лишь Джейн Шор, жена торговца из Чипсайда, которую Эдуард вырвал из семьи и поселил при дворе. После давнишней истории с Элизабет Вудвиль это было второе по силе увлечение короля. Джейн Шор мало походила на средневековый идеал красоты, была не златокудрой и высокой, а наоборот — маленькой, черноволосой, с ореховыми глазами олененка и золотисто-смуглой, как у испанки, матовой кожей. И тем не менее чары этой горожанки были таковы, что королева впервые в жизни забеспокоилась.

Однако Джейн была не глупа. Имея влияние на Эдуарда, она понимала, что не ей тягаться с его долголетней привязанностью к жене. Королева была старше Эдуарда, но оставалась все еще весьма привлекательной, несмотря на испортившие ее фигуру частые роды. Джейн же брала молодостью и живостью, которые, однако, не давали ей обольщаться насчет того, что не она,

а именно Элизабет Вудвиль владеет душой монарха. Поэтому Джейн всячески стремилась продемонстрировать свое почтение государыне, даже расположила к себе ее величество своим незлобивым нравом и детской беспечностью. Но вот в чем смекалки Джейн совсем не хватало, так это в ее неконтролируемой влюбленности в красавца Бекингема.

Эдуард поначалу не придавал этому значения. Ведь и лорд Гастингс, и пасынок Эдуарда маркиз Дорсет попали под очарование смуглой Джейн. Она с ними лишь кокетничала и смеялась. Заволновался король, только когда стал замечать, какими глазами смотрит его фаворитка на Бекингема.

Король недолюбливал молодого герцога — так стареющий недужный ловелас недолюбливает молодого и полного сил баловня дам. Теперь же Бекингом начал раздражать его. Королю то и дело доносили: во время празднества Генри Стаффорд несколько раз подряд танцевал с мистрис Шор, затем их видели продолжительно беседующими в нише окна, причем Джейн была весела и оживлена чрезвычайно. Когда же во время охоты в Горнси-парке эти двое отбились от кавалькады и несколько часов где-то пропадали, Эдуард окончательно возненавидел Бекингема. Однако он ничего не мог с ним поделать. Это был уже не тот мальчишка-сирота, которого он едва ли не за ухо приволок к алтарю, — это был достойный потомок Плантагенетов, могущественный лорд, который при желании мог в считанные дни поднять весь Уэльс. И король оказался бессилён, ибо никто в Англии не поддержал бы его, посмей он поднять руку на Бекингема из-за какой-то распутной горожанки.

Джейн по-прежнему клялась Эдуарду в любви и обиженно надувала губки, когда король устраивал сцены ревности. Однако стоило появиться красавчику Генри, как она была не в силах отвести от него глаз. А тот обращался с ней галантно-небрежно, хотя и был почтителен в рамках этикета. На короля же поглядывал нарочито невозмутимо, улыбаясь одними уголками губ.

Эдуард решил удалить его, но все еще колебался. Сделать это надлежало так, чтобы не стать объектом насмешек. Именно в это время ко двору прибыли Глостер и Нортумберленд и встал вопрос о посольстве в Шотландию. Король видел, что

оба северных лорда вот-вот готовы сцепиться, оспаривая друг у друга право представлять английскую корону при дворе Стюарта, и поэтому неожиданно прервал их:

— Успокойтесь, милорды! Дабы вопрос о посольстве не стал яблоком раздора между любезным нашим братом Глостером и вами, дорогой друг Перси, к Якову Стюарту отправится некто иной. Я полагаю, что имя молодого лорда Бекингема, сэра Генри Стаффорда, не вызовет у вас возражений...

Когда Бекингему сообщили о решении короля, он лишь сдержанно поклонился и поблагодарил за оказанную честь. Но его синие глаза, когда он поднял их на короля, таили такую насмешку, что Эдуард едва сдержался, чтобы в последний миг не вспылить. Он долго беседовал с Бекингемом, обсуждая все детали переговоров и возможных соглашений. Когда же сэр Генри наконец двинулся на Север, сопровождаемый внушительным посольским эскортом, он вез в Шотландию, помимо условий договора, и личное письмо Эдуарда IV к Якову Стюарту. В этом не было ничего необычного. Но Бекингему и в голову не могло прийти, что рукой Эдуарда было начертано в самом конце письма.

Там значилось:

«Дражайший брат наш Яков! Я стану молить за Вас небо и Вы всегда сможете рассчитывать на нашу поддержку, если как можно дольше задержите в своих пределах нашего доброго Генри Стаффорда. А уж если молодой Бекингем пожелает навсегда остаться в Шотландии и мы никогда не увидим его, то в Англии никто не наденет траура по этому поводу. Мы же сочтем себя Вашим должником вдвойне».

1

Рождественская ночь герцога Бекингема

Волынки стонали и гнусавили так, что Генри Стаффорд едва сдерживался, чтобы не выбежать из зала. Нет, он решительно не мог привыкнуть к душераздирающим звукам любимого инструмента шотландцев. Особенно сейчас, когда из-за мигрени у него раскалывалась голова, эти пронзительные завывания,

лязг мечей и дикие выкрики пляшущих горцев вызывали у герцога адские мучения.

Отодвинув от себя блюдо с колопсом¹, он откинулся на спинку кресла и устало скомкал салфетку. Тут же откуда-то возник услужливый паж и с поклоном подал сверкающий таз с душистой водой для омовения пальцев, а расторопный стольник тотчас заменил тарелку. Генри усмехнулся: изысканность обихода двора Якова III странным образом сочеталась с варварскими хватками вождей горных кланов, чувствовавших себя в королевском замке Линлитгоу так же непринужденно, как и в диких ущельях Хайленда.

Генри поглядел на короля. Маленький, бледный, с жесткими, напомаженными и завитыми в локоны волосами и острым носом, он уже изрядно подвыпил, и глаза его блестели, когда он созерцал дикую «пляску меча», которую отплясывали перед ним воины трех северных кланов. Конечно, Стюарт был доволен: даже старейшины его двора не могли припомнить, чтобы вот так, в танце, сходились вместе члены враждующих семей Мак-Ферсонов, Мак-Интошей и Мак-Кеев. Впрочем, вожди кланов, приглашенные на Рождество, торжественно поклялись не проливать крови, пока не закончится Господне перемирие² и они не вернуться в свои пределы. А пока их воины плясали у стоявших вдоль пиршественного зала длинных столов, при свете факелов, среди клубящегося над головами дыма, который завывающий за стенами замка ветер загонял обратно в трубы, отчего пламя в очаге стояло и приседало, мечась, как затравленный зверь.

Встречать Рождество в Линлитгоу пришлось неожиданно. Двор короля направлялся из любимой резиденции Якова III, замка Стерлинг, в Эдинбург, как вдруг разыгралась непогода, вынудившая их сделать остановку в этом замке над озером. А поскольку буря и проливной дождь, перешедший в снежную метель, не прекращались, было решено отпраздновать Рождество здесь. Правда, это помешало прибыть многим знатным

¹ Колопс — шотландское национальное блюдо, запеканка из мелко нарубленного мяса с луком.

² Господне перемирие — мир, заключаемый в дни крупных религиозных праздников.

лордам, которых Яков заранее пригласил в Эдинбургский замок, зато Линлитгоу стоял на пути двигавшихся с севера горцев, и теперь на пиру было гораздо больше клетчатых пледов, чем камзолов и рыцарских цепей. Впрочем, Яков до последней минуты слал в Эдинбург гонцов, в особенности когда стало известно, что сам надменный Арчибальд Дуглас, граф Ангус, решил вместе со всем семейством посетить короля на Рождество Господне, но из-за разыгравшейся непогоды от Дугласа не было никаких вестей. Король не мог решить — то ли ему поспешить к своему грозному вассалу с извинениями, то ли обидеться на то, что последний пренебрег его приглашением.

За стенами замка прогремели раскаты грома и налетел новый неистовый шквал. В окнах задребезжали стекла. Многие стали креститься, и лишь горцы били пятками в пол, отплясывая свой танец, как люди, привыкшие в своих краях к любым сюрпризам погоды. Под завывание ветра камин вновь дохнул дымом, его клубы взмыли к потолку, где в массивных, подвешенных на цепях люстрах металось колеблемое сквозняками пламя факелов.

Генри невольно потерял виски. От головной боли не было спасения, и, чтобы хоть как-то отвлечься, он стал разглядывать длинный полутемный зал с выступающими ребрами стрельчатых арок из грубо отесанного камня. Голые стены замка в честь праздника были украшены гирляндами из лавра и темного остролиста с ярко-красными ягодами, который, по поверью, приносит в Рождество счастье и удачу. И тем не менее все здесь казалось пустым, холодным и унылым. Ах, разве думал он, счастливчик Стафффорд, пэр Англии, родственник короля, что ему придется встречать Рождество при этом несносно скучном дворе! Силы небесные! Он прибыл в Шотландию в конце лета, когда на холмах и в долинах цвел лилово-пурпурный вереск, а теперь уже все пожухло, стало угрюмо-бурым и вскоре вообще скроется под снегом! Да, почетное посольство поистине превратилось для него в ссылку.

А ведь на первых порах все складывалось так хорошо! Он явился в Стерлинг с подобающим эскортом, под звуки труб, одетый с такой роскошью, о какой в этой дикой Каледонии¹

¹ Каледония — древнее название Шотландии.

и помыслить не могли. С королем Яковом он держался на равных, но был изысканно учтив, и весьма скоро договор о помолвке наследного шотландского принца Якова и маленькой дочери короля Эдуарда Сесилии Английской был подписан. Оставались пустяки: решить вопрос о набегах на англо-шотландской границе. Обычно это совершалось быстро и являлось чистой воды формальностью, поскольку не в силах государей двух соседних королевств остановить не прекращавшуюся столетиями войну в Пограничном крае. И вот, когда Генри уже считал вопрос решенным, неожиданно возникли трудности. Яков Стюарт, ознакомившись с условиями договора, вдруг отложил перо.

— Я хотел бы, чтобы в договор был внесен еще один пункт.

Именно этот пункт оказался невыполнимым. Шотландский монарх категорически потребовал, чтобы к его двору доставили в цепях одного из лордов Пограничья — барона Майсгрейва.

— Этот человек творит беззаконие на рубежах. Мои отряды объезжают стороной его владения, ибо нет большей опасности, чем встретиться с его бешеными наемниками. Они гонят прочь всех, кто пробует проехать берегом Лиддела¹, и преследуют их почти до стен замка Хоуик, словно барон считает весь этот край своей вотчиной. Похоже, что сей лорд вознамерился перекроить границу по своему усмотрению!

После этих слов Бекингем испытал нечто похожее на гордость за своего соотечественника. Якову же заметил, что многие земли в Пограничном крае все еще считаются спорными и владеет ими тот, кто сильнее. Но Яков Стюарт пришел в ярость и заявил, что договор не будет скреплен его подписью, пока разбойника Филипа Майсгрейва не бросят в Толбутскую тюрьму в Эдинбурге, чтобы король мог решить его участь. Дело принимало серьезный оборот: из-за какого-то лихого северного барона мог рухнуть мирный договор между двумя королевствами.

Генри Стаффорд, стараясь не выказывать раздражения, спокойно возразил:

— Ваше величество, с таким же успехом вы могли бы потребовать и голову самого Перси. Барон Майсгрейв верный слу-

¹ Лиддел — река в Пограничном крае.

га короля Эдуарда, не раз сражавшийся на его стороне под знаменем Белой Розы. Более того — известно, что барон оказал своему государю и другие услуги, ибо его величество Эдуард IV благоволит к нему и нередко величает своим другом.

— В отличие от вас, милорд, — мелко рассмеялся Яков, но тут же переменял интонацию. — Мое решение непоколебимо! Либо Майсгрейв в цепях, либо наш союз не состоится и я не поставлю подписи на пергаменте.

В ту пору Генри еще не понимал, что из-за упрямства Якова Стюарта ему придется надолго застрять в Шотландии. Это стало очевидным лишь позднее, когда он написал о нелепом требовании Якова своему королю, а тот, вместо того чтобы возмутиться и отозвать посла, распорядился уладить все полюбовно, но ни в коей мере не задевая интересов Майсгрейва.

Интересы Майсгрейва! Теперь, когда этот барон стал для него ключом от родины, Генри преисполнился негодования. И тем не менее он ничего не мог поделать в сложившейся ситуации. Время шло, и вскоре гордому Стаффорду пришлось отказаться от пышного эскорта, оставив при себе лишь небольшой отряд лучников, а из всего штата прислуги — двух оруженосцев: преданного, но вечно брюзжащего и трусоватого Ральфа Баннастера и Гуго Дредверда, веселого и обходительного, но не знающего меры в женолюбии. Герцог уже дважды заставлял его щеголяющим перед шотландскими красавицами в нарядах с плеча своего патрона.

При мысли о шотландских красавицах Генри ощутил новый приступ головной боли. Отправляясь к незнакомому двору, он мечтал о новых блистательных победах над сердцами северных леди. Но оказалось, что при дворе Якова Стюарта дам практически нет и даже со своей женой король видится не чаще раза в год. Те же дамы, что состояли в свите сестры Якова принцессы Маргариты, только о том и помышляли, чтобы хранить ледяное достоинство, были абсолютно лишены обаяния, а кокетство считали уделом падших женщин. С мужчинами они держались надменно, а любой комплимент истолковывали как оскорбительную фамильярность. Увы, сегодня, после рождественской мессы, Генри имел случай в очередной раз убедиться в этом, однако сейчас,

когда так трещала голова, ему не хотелось вспоминать об этом досадном инциденте.

Пляска наконец-то закончилась. Горцы были разгорячены, их лица блестели от пота, и Бекингом, уже давно ощущавший, как стынут ступни в остроносых шелковых туфлях, с некоторым удивлением поглядывал на этих пышущих жаром дикарей в их нелепых клетчатых килтах, с голыми, словно не чувствительными к холоду ногами, обутыми в грубые броги¹.

Едва горцы вновь заняли места за столом, как загремели фанфары и в зал потянулась вереница нарядных лакеев со второй переменной блюд: огромные мясные пироги, туши вепрей с вызолоченными клыками, фазаны, длинные перья которых, подрагивая, свисали с золоченых подносов, молочные поросята в венках из сахарных цветов, зажаренные целиком косули с приправленной пряностями подливой. Главный стольник с самым церемонным видом нарезал мясо для короля, но Яков даже не прикоснулся к еде, продолжая что-то шептать своему фавориту Кохрейну, чья алмазная цепь на бархате камзола сверкала ярче свечей. Бекингом заметил, что и король, и его фаворит поглядывают в его сторону. Да и не только они. Кажется, уже давно внимание присутствующих занимают не столько пляски горцев, сколько его особа. Бекингом знал почему. Всему виной это нелепое происшествие после рождественской мессы. Господи, как дики эти люди, как терпят они всех этих низкородных временщиков, подобных Кохрейну, к которому сейчас так льнет король! Их привело в замешательство случайное происшествие во дворе замка — и то лишь потому, что в нем оказалась замешана графиня Ангус. Словно есть что-то дурное в том, чтобы оказать любезность даме во время ненастья!

Сейчас Бекингом полагал, что у него и в помыслах не было ничего иного. На деле все обстояло несколько иначе. Марджори Дуглас поразила его, едва появилась в церкви святого Михаила, где шла месса. Генри не знал, кто эта дама, но уже одно то, что она возникла в столь неурочный час, среди пурги и мрака, привлекло его внимание. Он даже улыбнулся, припоминая то мгновение...

¹ Броги — кожаная обувь шотландских горцев.

..Полночь, прекрасный голос с амвона торжественно возгласил:

— Родился Божественный Младенец! Славьте Сына Божьего, славьте Спасителя и Его Пресвятую Матерь!

Вся толпа молящихся в едином порыве опустилась на колени, и мощно зазвучало «Gloria in excelsis Deo»¹. Гремел орган, торжественными раскатами перекрывая бешеное завывание ветра. И именно в эту минуту распахнулась тяжелая дверь церкви и под ее своды ступила группа запорошенных снегом людей.

В рядах молящихся произошло замешательство, даже певчие в хоре стали сбиваться. Но прибывшие, словно стараясь не привлекать внимания, торопливо осенили себя крестным знаменем и, встав на колени, смешались с толпой прихожан.

Среди них была и дама. Она проскользнула вдоль бокового нефа и опустилась на колени на женской половине. Бекингом не сразу разглядел ее лицо, он видел только, что она высока ростом и движется величаво и грациозно. Великолепный плащ из серебристой лисы и то, что она осмелилась явиться в разгар службы, указывали, что эта леди вовсе не обычная запоздавшая прихожанка. Генри был заинтригован. Все оставшееся время службы он не спускал с нее глаз, пока незнакомка не взглянула в его сторону. Она не была так хороша, чтобы сразу потерять голову, казалась чересчур смуглой, но, с другой стороны, рядом со всеми этими бледными, словно бесцветные призраки, леди шотландского двора у нее было явное преимущество.

Генри улыбнулся ей. Дама тут же опустила глаза и поспешила отвести взгляд. Больше она не оборачивалась, хотя Бекингом неотрывно смотрел ей в затылок.

Оруженосец герцога Ральф Баннастер был недоволен поведением своего господина.

— Ради всего святого, милорд! Вы поступаете по меньшей мере неосторожно. Эти шотландские варвары чуть что хватаются за мечи, в особенности когда так смотрят на их женщин. Умоляю вас...

¹ Слава в вышних Богу (*лат.*).

Но Генри словно сорвался с цепи. Впервые за все то время, что он находился в Шотландии, его ждало приключение, и он ни при каких обстоятельствах не желал от него отказываться.

Когда по окончании мессы продрогшие прихожане потянулись к выходу, королевские гвардейцы потеснили толпу, выкрикивая:

— Дорогу, дорогу его величеству королю!

Началась суетолака. Ворвавшиеся в распахнутые створки потоки дождя со снегом загасили факелы. Воспользовавшись темнотой и общей неразберихой, Генри протолкался к незнакомке и, мягко взяв ее под локоть, вывел из толчи на улицу. В темноте она не узнала его и доверчиво взяла за руку, шепнув:

— Это ты, Роберт?

Но они уже вышли на крыльцо, где на них обрушились вихри мокрых хлопьев, и даже если бы Бекингом и ответил, его слова потонули бы в реве ветра. Поэтому он лишь прижал к себе незнакомку и, прикрывая ее от вьюги, начал увлекать через двор, туда, где виднелась небольшая дверь в угловой башне.

Дама, закрыв лицо большим капюшоном, покорно следовала за ним, пока они не оказались в помещении башни, где было почти совершенно темно.

— Это ты, Роберт? — снова мягко спросила она, и голос ее был столь чарующим, что Бекингом впервые не обратил внимания на бесконечно раздражавшее его шотландское произношение. В ответ он лишь слегка пожал ее руку и, когда маленькая ручка ответила ему, начал увлекать женщину вверх по лестнице.

— Это чистое безумие, милый, — прошептала она, но послушно пошла за ним, пока они не миновали пролет лестницы. Однако здесь, к великому огорчению герцога, горел факел, и дама, неожиданно разглядев своего провожатого, в ужасе отпрянула.

— Кто вы?

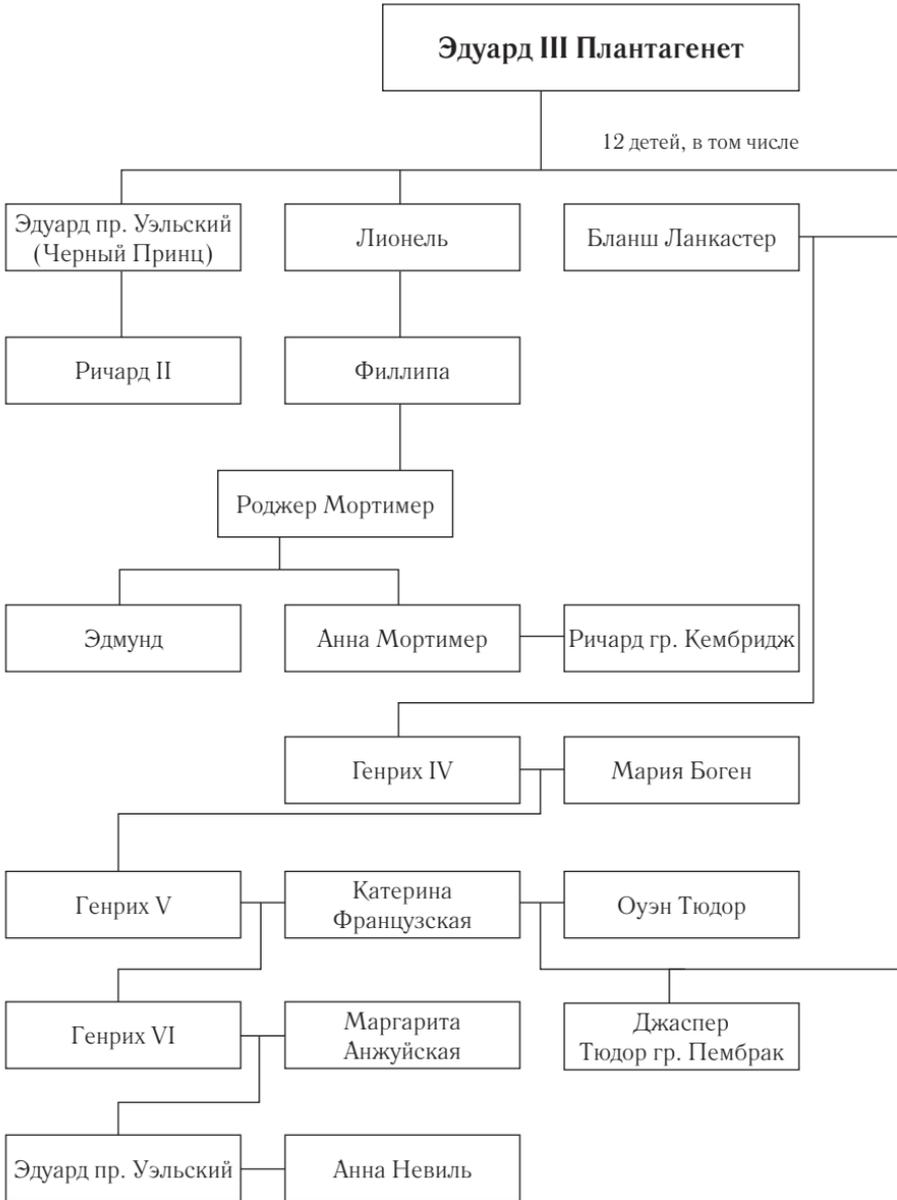
Генри любезно поклонился.

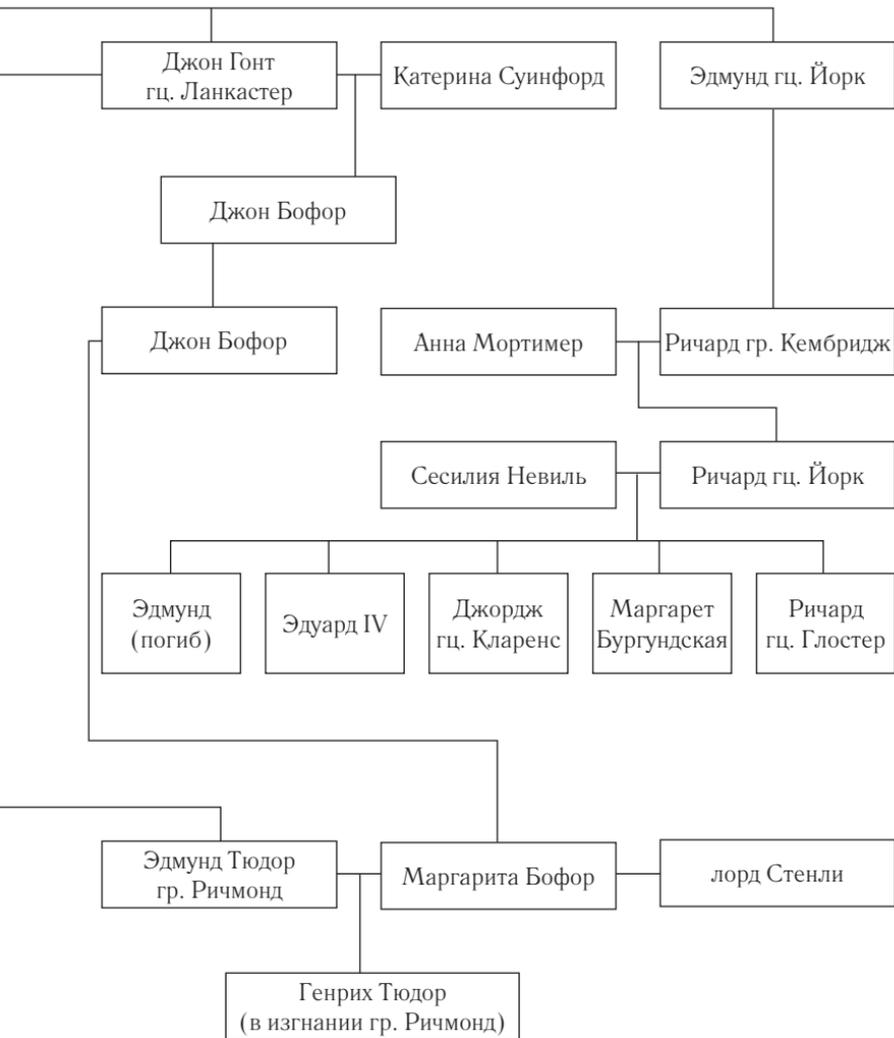
— Я тот, кого ваша несравненная красота сразила с первого взгляда.

Женщина не отрываясь смотрела на него.

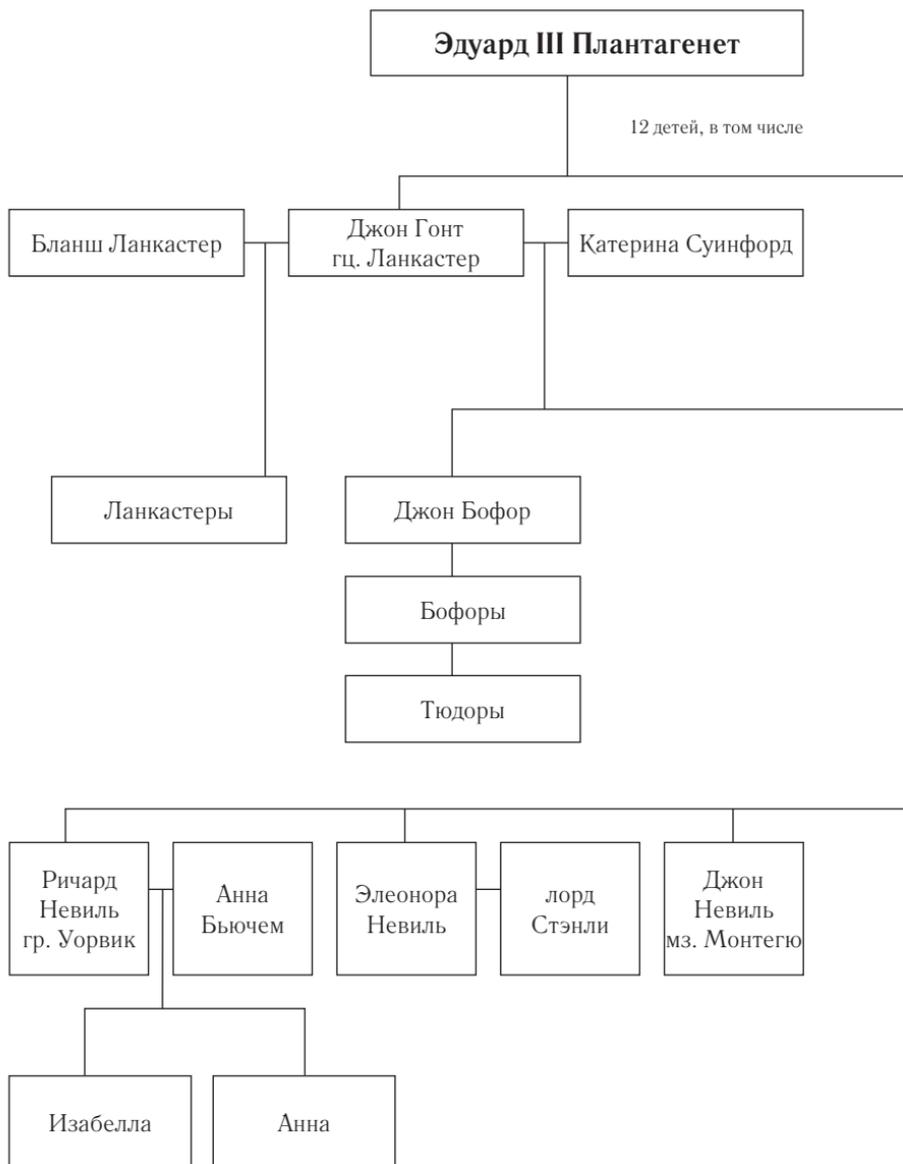
— Англичанин?

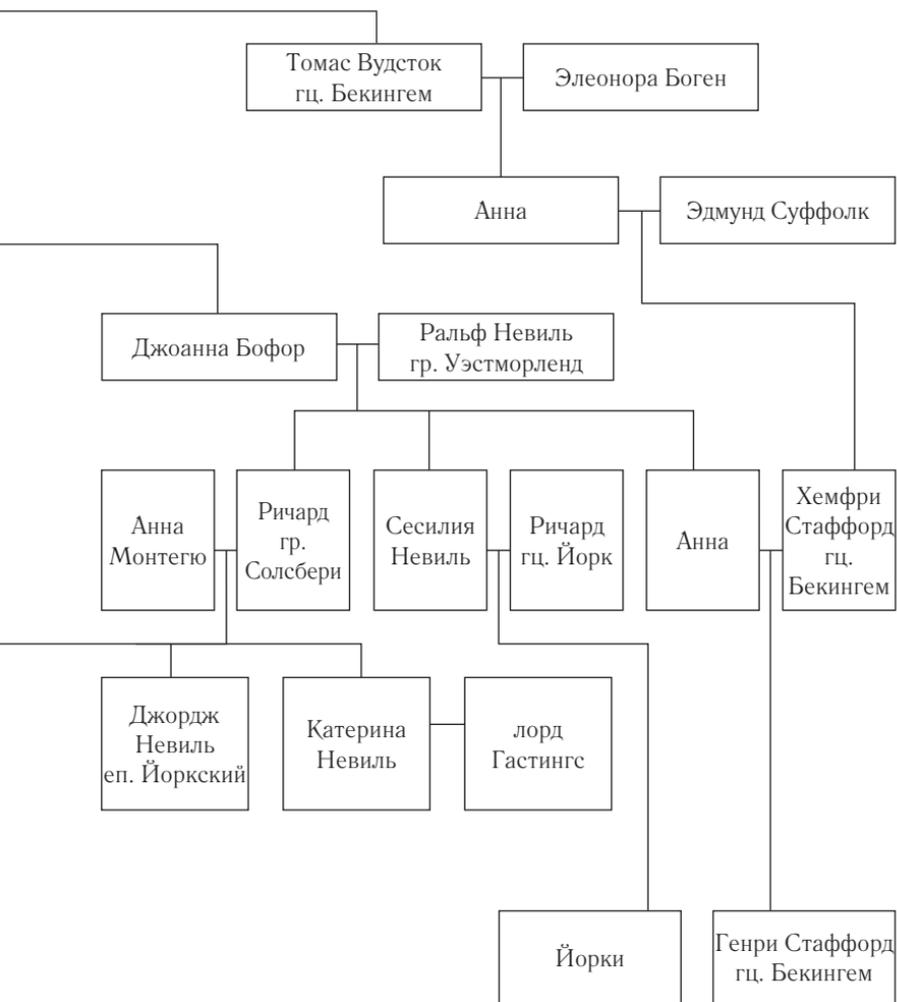
Дом Ланкастеров и Йорков

Дом Невилей и Стаффордов

Содержание

Солнце в зените	5	6. Ревность	165
1. Рождественская ночь герцога Бекингема	25	7. Несложное дело.....	194
2. Мелроз.....	54	8. Пес	229
3. Нейуортский Замок.....	74	9. Чужой	246
4. Леди Майсгрейв	113	10. Под знаком чертополоха...	271
5. Охота в безымянной лощине.....	150	11. Дьявольская ночь.....	295
		12. Утро Ричарда Глостера	324

Літературно-художнє видання

ВИЛАР Симона
Замок на скелі
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *К. В. Озерова*
Відповідальний за випуск *В. А. Криворотов*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректори *О. К. Волинїна, В. А. Криворотов*

Підписано до друку 27.04.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагарїна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Рїздвяна, 11.
Свїдоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона
Замок на скале
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Е. В. Озерова*
Ответственный за выпуск *В. А. Криворотов*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректоры *О. К. Волинїна, В. А. Криворотов*

Подписано в печать 27.04.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Literaturna». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

XV століття. На кордоні між Англією та Шотландією триває нескінченна війна. Але молодий англійський посол Генрі Стаффорд, якого на кожному кроці чигає небезпека, не прогавить можливості спокусити чужу дружину, котра стала його янголом-охоронцем! Генрі вже вирішив, що доб'ється від таємничої красуні взаємності. Якби він тільки знав, хто ця жінка, які політичні інтриги плетуться навколо неї та які плани на неї у володарів Англії...

Вилар Симона

В44 Замок на скале / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 368 с.

ISBN 978-966-14-3158-0

XV век. На границе между Англией и Шотландией идет нескончаемая война. Но молодой английский посол Генри Стаффорд, которого опасность подстерегает на каждом шагу, не упускает возможности приударить за чужой женой, сыгравшей роль его ангела-хранителя! Генри уже решил, что добьется от таинственной красавицы взаимности. Если бы он только знал, кто эта женщина, какие политические интриги плетутся вокруг нее и какие планы на нее у властителей Англии...

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр=Рос)